

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Василия Сергеевича
ЛЬВОВА «Литературная критика формальной школы (Ю.Н. Тынянов,
В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум), представленную на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.10 – журналистика

Работа Василия Сергеевича Львова посвящена одному из аспектов деятельности русских формалистов, более прославившихся в качестве теоретиков литературы, хотя и немало поработавших в области литературной критики. В качестве критиков они в разной мере известны, иногда прославлены, но все-таки их критический жанр воспринимается как нечто производное в отношении их деятельности теоретиков, прикладное к ней и потому менее изученное («было чрезвычайно малое число работ по теории и истории именно литературной критики формалистов», с. 6). Диссертация В.С. Львова доказывает, что критика формалистов была не только их важным вкладом в литературный процесс, но и необходимым завершением их теоретического дела в том виде, как они его понимали.

Таким образом, исследование критики формалистов превращается в настоящей диссертации в повод реконструировать их творчество как нечто цельное и именно в этом аспекте предполагающее контекстуализацию. Сам по себе такой подход к проблеме и нов, и актуален. В исполнение этого плана и построена работа.

Каждая из трех глав предлагает свой контекст. В первой – это собственно теория формального метода: «Литературная критика в научном контексте русского формализма». Пожалуй, центральное здесь слово, обозначающее предмет исследования – «научная». Формалисты строили свою поэтику как «научную» и не отступили от этого тезиса, переходя в область литературной критики. Критика также была для них наукой – «журнальной наукой», противостоящей иным стилистическим подходам, чреватым им-

прессионистичностью оценок, биографическим или психологическим подходом к анализируемым явлениям.

Вторая глава расширяет контекст рассмотрения: «Литературная критика русских формалистов в теоретико-историческом контексте 1910 – 1920-х годов». Следуя в своей исследовательской манере научной традиции, им изучаемой, В.С. Львов избегает описательности, но предпочитает собирать параграфы работы вокруг какого-то важного понятия: встречное течение, анти-идеологизм, динамизм, – проясняя его в контексте литературной полемики (с Э.Ф. Голлербахом) или отношений (с пролеткультовцами, футуристами, властью в лице Л.Д. Троцкого).

В третьей главе – «Издания русских формалистов» – даны три крупных плана их критической деятельности: в газете «Жизнь искусства», в журнале «Петербург» и отдельно рассмотрен «Мой современник» Эйхенбаума, построенный автором как журнал.

С небывалой ранее полнотой В.С. Львов представил критическую деятельность русских формалистов, монографически выделив среди них творчество Б.М. Эйхенбаума, давая представление об общих принципах их работы в периодической печати, понимания журнала как особого литературного жанра, решая, вслед за тем, «задачу жанровой категоризации опоязовской журнальной критики», с. 9). Интересно и точно соотнесены разные аспекты теоретической деятельности русских формалистов: поэтики в целом и «научной критики», – а также самой «научной критики» с конкретной работой в критическом жанре.

Высоко оценивая постановку и разработку этих задач, вынесенных автором на защиту, я все же особенно выделил бы специально не оговоренный В.С. Львовым, но чрезвычайно важный аспект – завершающее для всей теории значение критической деятельности формалистов, как предоставляющее им пространство для проверки и даже разработки своих теоретических идей.

Произнося слово «теоретический», которое многократно употребляется в работе и использовалось самим формалистами, я все-таки отметил бы

необходимость точнее разграничивать слова, которые были для формалистов «своими» и «чужими». В работе многократно использованы эпитеты «эстетический», «художественный», и вдруг – только на с. 130 – появляется разъясняющая сноска: «Термин “художественный” использован здесь как синоним английского термина “artistic” – связанный с искусством. Могут возразить, что для этого существует понятие «эстетический», однако эстетика, понятая как учение о формах *прекрасного* в искусстве, менее всего применима к формализму. Формалисты не раз выражали скептицизм по отношению к термину “эстетика”».

Я не уверен в том, что привлечение английского источника проясняет дело: и “artistic” означает не только связь с искусством, и «художественный» в работе используется не только в этом значении, но и гораздо шире: «Следующим шагом было стремление понять, в каком случае речевой материал является поэтическим (иначе – художественным)» (с. 71). Слишком легко уравниваются эти понятия – одно «свое» для формалистов, второе все-таки – «чужое». В любом случае это разъяснение имело бы больше смысла, если бы возникло где-то в начале работы, предваряя многократное употребление слов «художественный», «эстетический» да и слова «теория», поскольку формалисты, разумеется, теоретизировали, но все же создавали не теорию литературы в современном смысле слова, а поэтику. Так что вернее было бы сделать разъяснение, что в дальнейшем определяющим словом будет слово «поэтический» как производное от слова «поэтика».

Такое терминологическое разграничение прояснило бы и происхождение формалистической теории и ее суть. В то время, как не все отсылки к традиции кажутся точными. На с. 101 кратко представлен генезис оппозиции «языка поэтического» и «языка прозаического». В качестве первоисточника ссылка на З.А. Венгеру выглядит поразительно странной. Ссылаться здесь нужно не на нее (и даже не на Н.А. Богомолова, представленного в качестве источника этой ссылки), а на А.А. Потебню и А.Н. Веселовского, чьей слушательницей была З.А. Венгерова, когда в своем курсе он вплотную подошел

к идее «исторической поэтики» и вскоре опубликовал одну из ее глав под названием «Язык поэзии и язык прозы». И это ведь существенное положение всей новой поэтики, которое не могло не стать одним из принципов критической оценки.

Ориентированная на «историческую поэтику», могла бы приобрести больше точности и мысль о «научном» характере как теории, так и критической практики формалистов. Слово «научный» в этой связи мелькает в некоторых разделах работы так часто, что выглядит повтором, но не необходимым прояснением понятия. Ссылка на естественные науки здесь также не помогает: «...из естественных наук опоязовцы позаимствовали свои важнейшие понятия – прежде всего, понятие литературной эволюции» (с.34). Если и позаимствовали, то не они, а они подхватили, не остановив на этом понятии своего окончательного выбора, но пройдя по смысловой цепочке: традиция – эволюция – конструкция – система.

Так что «дух точности, присущий формализму» (с.52) – хорошая метафора, но он, в свою очередь, требует более точной контекстуализации и в отношении «исторической поэтики» и в отношении общего тренда – повернуть поэтику в сторону лингвистики, которая и была для них необходимой научной опорой.

Работа В.С. Львова интересна, нова, актуальна и потому побуждает к дальнейшему обсуждению поставленных и решаемых в ней задач. Автор сконцентрирован на роли критических жанров в истории формализма, от них идет к пониманию важнейших положений теории: «Так приоткрываются иррациональные, связанные с интуицией критика, как у Тынянова, и историсофские, как у Эйхенбаума, предпосылки опоязовской науки» – критика как путь к науке (с.41).

Мои замечания носят исключительно дискуссионный характер, ни в коей мере не подрывают основательности выводов, сделанных в работе, и относятся к дальнейшей возможности исследования в избранном направлении.

Автореферат во всей полноте отражает содержание диссертации; публикации соответствуют ее теме.

Вводимый в научный оборот материал по своей новизне и высокому уровню профессионального осмысления позволяет сделать безусловный вывод о том, что диссертация Василия Сергеевича Львова полностью отвечает требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям по специальности 10.01.10, в соответствии с п.8 Положения ВАК РФ о кандидатских диссертациях. Автор работы Василий Сергеевич Львов заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук.

Доктор филологических наук,
профессор ИФИ РГГУ

Игорь Олегович Шайтанов

Подпись *И. О. Шайтанов*

УДОС

Ученый секретарь

8 ноября 2015 г.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ: ШАЙТАНОВ ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ

Доктор филологических наук по специальности 10.01.05 – Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии; 10.01.01 – русская литература (диплом: серия ФЛ № 001635, решением ВАК при Совете Министров СССР от 10 ноября 1989 г. № 41д/30)

профессор, заведующий кафедрой сравнительной истории литератур Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). (аттестат профессора серия ПР № 010721, решением Государственного комитета СССР по народному образованию от 28 ноября 1991 г. 10/678-п)

Зав. кафедрой сравнительной истории литератур Института филологии и истории ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Адрес ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»: 125267 Миусская пл. 6, кор. 7

Телефон ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»: (495) 250-61-18

Телефон кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»: (495) 250-61-15

Адрес официального сайта ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»: http://www.rsuh.ru/section_143/

Адрес страницы Института филологии и истории ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»: <http://ifi.rsuh.ru/>

Личный номер: (499) 134-54-00

Личный электронный адрес: shigor@russianbooker.org

8 ноября 2015 г.